

УДК 821.111.09(73)

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОМАНАХ ГЕРМАНА УОУКА О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В. А. ГЕМБИЦКАЯ-БОРТНИК
(Полоцкий государственный университет)
v.hembitskaya@psu.by

Рассматриваются особенности осмысления проблемы личности и общества в романах Г. Уоука о Второй мировой войне. Проводится литературоведческий анализ проблемы ответственности в романе «Бунт на «Кайне»». На материале дилогии, состоящей из книг «Ветры войны» и «Война и память», раскрываются особенности эстетического осмысления Г. Уоуком причин возникновения нацизма в Германии, процесса подавления личности в тоталитарных обществах и процесса полной деформации личности узников в концентрационных лагерях. Подчеркивается, что война в дилогии показана испытанием на нравственность.

Ключевые слова: Герман Уоук, Герман Вук, Герман Воук, Herman Wouk, «The Caine Mutiny», «Бунт на «Кайне»», «The Winds of War», «Ветры войны», «War and Remembrance», «Война и память», американская литература, Вторая мировая война, ответственность, нацизм, Холокост.

Введение. Герман Уоук (*Herman Wouk*)¹ появился на свет в конце мая 1915 г. в Нью-Йорке. Он родился в семье евреев, эмигрировавших из Минска. Изучал сравнительное литературоведение и философию в Колумбийском университете. На мировоззрение Г. Уоука оказали равное влияние его дед по материнской линии, ортодоксальный еврей, и профессор философии Колумбийского университета Ирвин Эдман (*Irwin Edman*), отличающийся скептическими взглядами [2, с. 9–11], [3, с. 11]. С декабря 1941 г. Г. Уоук воевал на американском флоте в Тихоокеанском театре военных действий. Писатель призвался во флот сразу после атаки на Перл-Харбор. Участвовал в восьми сражениях в Тихом океане. К концу войны Г. Уоук был уже старшим помощником командира судном.

Г. Уоук – плодовитый писатель, чей масштаб таланта впечатляет: от написания комедийных радиопьес для популярнейшего в золотую эру американского радио юмориста Фреда Аллена до создания романов о Второй мировой войне, в которых Уоук обнаружил себя скрупулезным историком. Из всех его 23 произведений (из которых 14 составляют романы) на русский язык переведены лишь шесть: романы «The Caine Mutiny» (1951 г., переведен Ф. Мендельсоном, О. Чоракоевой, Т. Гувернюк, В. Вебером, Т. Шинкарь, И. Вишневым как «Бунт на «Кайне»»), «City Boy: The Adventures of Herbie Bookbinder» (1948 г., «Городской мальчик»), «Marjorie Morningstar» (1955 г., «Марджори»), «The Hope» (1993 г., «Надежда») и книга об иудаизме «This is My God: The Jewish Way of Life» (1959 г., «Это Б-о-г мой: Еврейский образ жизни»), «Inside, Outside» (1985 г., переведен как «Внутри, вовне»).

В монографиях А. Бейхмана (*A. Beichman*, 1984) [2] и Л. В. Маззено (*L. W. Mazzeno*, 1994) [3] исследуется литературное творчество Г. Уоука в развитии. Можно отметить также работу Э. Шапино (*E. Shapiro*), который исследовал идентичность американского еврея в прозе Г. Уоука [4], и статью Ф. Ардолино (*F. Ardolino*), который рассматривал библейские аллюзии в произведении «Бунт на «Кайне»» [5]. Осмысление фашизма в романе «Бунт на «Кайне»» рассматривается в монографии Дж. Уальдмейера (*Joseph Waldmeir*, 1969) [6, с. 124–130]. Таким образом, эстетическое осмысление проблемы личности и общества в романах Г. Уоука о Второй мировой войне не становилось предметом специального исследования.

Основная часть. Свой первый роман о войне офицер в запасе Г. Уоук начал писать в июне 1949 г. на учениях. Роман «Бунт на Кайне» вышел 19 марта 1951 г. Он не сразу завоевал сердца читателей, но уже к сентябрю стал самой продаваемой книгой в США, потеснив известную книгу Джеймса Джонса «Отсюда в вечность» (*From Here to Eternity*, 1951) [7]. Еще через год роман получил Пулитцеровскую премию. Сюжет романа лег в основу бродвейской пьесы «The Caine Mutiny Court Martial» и фильма «Восстание «Кейна»» (*The Caine Mutiny*), выпущенного американской кино- и телевизионной компанией «Columbia pictures» в 1954 г.

¹ Особое внимание стоит уделить вопросу передачи имени писателя средствами кириллического алфавита. Можно встретить следующие варианты: Герман Вук, Герман Воук и Герман Уоук. Вариант передачи Г. Вук никак не может быть обоснован (это и не транслитерация, и не транскрипция). Вариант передачи Г. Воук представляет собой транслитерацию имени, хотя правила передачи имен с латиницы на кириллицу предполагают передачу при помощи транскрипции, таким образом, имя должно передаваться как Г. Уоук. Интересно отметить, что вариант Г. Воук все же имеет под собой историческое обоснование: фамилия писателя пошла от белорусского слова «воўк», и писатель даже иногда представлялся как *Herman Wolf* (Герман Волк) [1].

Роман Г. Уоука «Бунт на «Кайне»» повествует о жизни на минном тральщике военно-морских сил США, несущем службу на Тихом океане во время Второй мировой войны. На протяжении романа у тральщика меняются четыре капитана. При капитане Де Врисс (*De Vriess*) судно представляет собой жалкое зрелище: все пропитано неприятными запахами, на палубе валяется мусор, очень шумно, матросы носят фантастически длинные бороды и позволяют себе спать на посту. При этом моряки очень любят капитана, а корабль лидирует в обнаружении и обезвреживании мин. Капитан Филип Фрэнсис Куиг (*Philip Francis Quig*), сменивший Де Врисса, решает привести тральщик в идеальный порядок. Любопытно, что стратегия устрашения приводит лишь к тому, что порядок на корабле возникает только там, где бывает капитан; в остальных местах по-прежнему хаос. Куиг лицемерно предъявляет очень высокие требования к подчиненным, но не к себе. Он жестоко наказывает за появление на палубе без защитного головного убора и спасательного жилета, за чтение книг на вахте, за неаккуратно заправленную рубашку (не отпуская домой с корабля, когда судно в порту; лишая воды и т.д.). Но сам капитан при этом позволяет себе красть виски с корабля и элементарно допускает слишком много серьезных ошибок при управлении судном и не справляется с выполнением боевых задач. При этом Куиг находит себе оправдание: «Но звание имеет свои привилегии²» («*But rank hath its privileges*» [8, с. 183]). Подчиненные ненавидят его, подозревают в нем параноика, не прощают никаких ошибок, что приводит к тому, что, преодолев страх, они отстраняют капитана Куига от командования. После трибунала на место Куига приходит Томас Кифер (*Thomas Keefer*), один из зачинщиков отстранения предыдущего капитана. Кифер начитан и подает надежды как писатель. Но при налете камикадзе Кифер ведет себя точно так же трусливо, как и Куиг во время тайфуна. Четвертым и последним капитаном «Кайна» становится протагонист Уиллис Сeward Кейт (*Willis Seward Keith*). Избалованный ребенок из богатой семьи, выпускник Принстона превращается к концу войны в ответственного, мужественного и способного к состраданию мужчину. Еще во время трибунала его сердце бьется как у «испуганного кролика» [8, с. 362], а подсознание тихонько нашептывает «Мама вытащит меня отсюда» («*Mother will get me out of it*» [8, с. 362]), но после нападения камикадзе и начавшегося сильного пожара Уилли остается на борту корабля, преодолевает свой страх и берет под контроль ситуацию на судне. В этой пограничной ситуации ему удалось проявить в подлинной форме свои лучшие личностные качества и познать себя.

В романе Г. Уоук при помощи средств комического отображает множество ситуаций, в которой пребывает человеческая личность во время прохождения военной службы. При помощи иронических сравнений автор передает чувства главного героя, который собрался поступить на службу в военно-морской флот. Например, в медицинском пункте, где врачи решают, годен он к службе или нет, Уилли Кейт чувствует себя просто представителем царства животных, но никак не личностью: «*Вместе с сорока другими прямоходящими розовыми животными его загнали в большой смотровой кабинет. Его легкие, печень, сердце, глаза, уши, все органы, которыми он пользовался с детства, были обследованы медиками, которые делали это с абсолютно бесстрастным выражением лиц; медработники тыкали в него и оцупывали его так, как это делают привередливые хозяйки, выбирающие индейку на рынке*» («*With forty other upright pink animals he was herded into a large examination room. His lungs, liver, heart, eyes, ears, all the apparatus he had been using since birth, were investigated by hard-eyed pharmacist's mates, who prodded and poked him like suspicious women about to buy a turkey in a market*» [8, с. 4]). После краткого обучения Уилли ощущает себя «незаслуженно обделенным вниманием героем», ведь он был одним из лучших учащихся, но его определяют на такую же службу, что и весьма посредственных учеников: «*Очевидно, флот распределил двух человек, независимо от их способностей, одного за другим, прямо как свиней на бойне*» («*Obviously the Navy had disposed of the two men with no thought of what they deserved, one after another, like hogs being slaughtered*» [8, с. 54]).

В разговоре с отцом перед отправкой на фронт Уилли приводит свой взгляд на армию и флот: «*Все эти правила, этот жаргон производят на меня комическое впечатление. Сама идея того, что можно провести жизнь, в этом «исполняй – не думай» пугает меня. Раньше я думал, что он [флот] предпочтительнее, чем армия, но сейчас я уверен, что и одно, и другое – это глупость и безрассудство. Мне все равно, я выбрал флот. Я увижу эту дурацкую войну, будучи на службе во флоте*» («*The rules, the lingo, strike me as comical. The idea of men spending their lives in this make-believe appalls me. I used to think it was preferable to the Army, but I'm sure now that they're both the same kind of foolishness. I don't care. I picked the Navy. I'll see this stupid war through in the Navy*» [8, с. 45]). Томас Кифер, рассуждая о жизни на флоте, дает совет Уилли: «*Флот – это стратегический план, придуманный гениями, но выполнять его должны идиоты. А если ты вдруг не идиот, но обнаружил себя на флоте, то нормально существовать сможешь, только притворяясь идиотом. <...> Постоянно спрашивай себя: «Как я бы поступил, если я был бы дураком?»*» («*Navy is a master plan designed by geniuses for execution by idiots. If you're not an idiot, but find yourself in the Navy, you can only operate well by pretending to be one. <...> Constantly ask yourself,*

² Здесь и далее перевод наш. – В. К.

'How would I do this if I were a fool?'» [8, с. 97]). Для Томаса Кифера война – это «на 99% однообразная, механически выполняемая работа, с которой могут справиться дрессированные обезьяны» («War is ninety-nine per cent routine-routine that trained monkeys could perform» [8, с. 90]), а «на 1% удача и творческий подход, от которых сейчас зависит история мира» (*But the one per cent of chance and creative action on which the history of the world is hanging right now* [8, с. 90]). И он хочет совершить нечто поворотное в истории, но в критический момент, уже будучи капитаном «Кайна», испугавшись сильного задымления судна и языков пламени, не находит ничего лучше, как прыгнуть в воду, прихватив рукопись своего романа.

Несмотря на то, что в тексте романа описываются ситуации, в которых отображается нивелирование личности в армии, становление личности главного героя Уилли Кейта происходит именно на борту «Кайна». В романе «Бунт на «Кайне»» прежде всего осмысливается ответственность как категория и этики, и права, также осмысливается чувство вины. Г. Уоук пытается выяснить, как соотносятся выполнение нравственных и правовых требований и способность моряками выполнить свой военный долг. Ведь при капитане Де Врисс моряки не придерживаются устава, но отлично выполняют военные задачи. Прозаик рисует образ капитана Куига, который заставляет придерживаться устава, но его подчиненные нередко только делают видимость, что исполняют свод правил. Сам Куиг не является примером добропорядочности, а в конце концов оказывается еще и трусом, неспособным принимать решения при исполнении боевой задачи. При этом капитан Куиг ни за что не собирается признавать свою вину (как и не признает свою вину зачинщик трибунала Томас Кифер).

Также неприятным создан образ третьего капитана судна Томаса Кифера, автора романа «Multitudes, multitudes». Сюжетная линия о братьях Киферах и библейская аллюзия в названии романа (название корабля созвучно с именем библейского персонажа Каина (вариант на английском – *Cain*), правда, написание отличается) отсылает читателя к сюжету о Каине и Авеле. Интеллектуал Томас Кифер завидует брату Роланду, который погибает героически, когда в его корабль врзается камикадзе. Томас в этой же ситуации «или-или» просто сбежал. Позже он отмечает, что отец всегда любил Роланда больше, зная, кто из сыновей на что способен.

Очевидно, чувство вины, испытываемое адвокатом Гринвальдом (*Barney Greenwald*), движет им, когда он приходит пьяным на вечеринку, организованную Кифером. Для защиты офицера Марика (*Stephen Maryk*) адвокату пришлось содействовать тому, чтобы капитан Куиг был признан виновным, хотя Гринвальд видел, что больше всех виновным был Кифер, который, выгораживая себя, всю вину взвалил на Марика. Гринвальд признается на вечеринке, что ему очень стыдно перед Куигом. Мать адвоката, еврейку, которая находилась в Восточной Европе, спасли от гибели военные, и поэтому Гринвальд благодарен всем военным служащим хотя бы за их готовность к самопожертвованию и смелость. Главный герой Уилли тоже сомневается в правомерности отстранения капитана и мучается совестью, считая, что моряки просто спроецировали все недовольство от тягот военной жизни на капитана, хотя должны были на противника. Дж. Уальдмейер, А. М. Зверев, А. Шлезингер (*Arthur M. Schlesinger*), А. Кириш (*Adam Kirsch*), считая, что авторская позиция выражается в словах адвоката Гринвальда, в которых он склонен видеть хорошее в любых военнослужащих, даже в куигах [6, с. 129], [9, с. 530], [10, с. 285–286], [11], приходят к выводу, что в романе Г. Уоука трусливый интеллектуал Кифер неоправданно опаснее для общества, чем лицемерный, крайне жесткий и трусливый военнослужащий Куиг. Даже если не придерживаться этой точки зрения, стоит отметить, что в романе создан настолько неприятный образ капитана Куига, что откровения Гринвальда на вечеринке, по крайней мере, выглядят неожиданным и нелогичным поворотом сюжета.

Несомненным кажется, что чувство вины в романе сопряжено с чувством ответственности за зло и с неприятием несправедливости. Г. Уоук в данном произведении решает проблему ответственности в экзистенциалистской традиции: автор осмысливает существование человека и его поведение в кризисных ситуациях, где не всегда имеют должное воздействие внешние регуляторы поведения, и где на первый план выходит внутренний регулятор – совесть.

Сам автор не считает «Бунт на «Кайне»» серьезной книгой о войне. В 2008 году на мероприятии Библиотеки Конгресса США по случаю вручения ему литературной премии Г. Уоук решил зачитать выдержки из своего дневника (который он вел всю жизнь), связанные именно с его переживаниями по поводу выхода военных романов. Он начинает с записи, которая датируется октябрём 1950 г., о том, что закончил роман «Бунт на «Кайне». И продолжает записью, которая появилась в дневнике несколькими днями позже, о том, что это произведение никак не роман его жизни. «Это моя забавная история о войне» («*It is my anecdote about the war*»), – замечает автор. Уоук уточняет, что это очень незрелая книга с точки зрения стиля, мысли и исполнения вообще [12].

Главный герой «незрелой» книги – незрелый Уилли Кейт, чье превращение из избалованного ребенка в мужчину, готового брать на себя ответственность, происходит на борту корабля во время войны. Г. Уоук обрисовывает ситуации с неоднозначным и инфантильным отношением Уилли и его товарищей

по службе ко Второй мировой войне. Происходящие военные действия воспринимаются героями романа Г. Уоука как нечто нереальное. Будто бы зрители в кинотеатре, они наблюдают с корабля за битвой на острове: эсминс Джоргенсен при этом жуёт мясо, остальные поедают мороженое, политое шоколадной глазурью [8, с. 245]. Протагонист Уилли Кейт, как и другие военные моряки, рассматривает японских солдат как просто какой-то «вид паразита животных» («a species of animal pest» [8, с. 240]), американцам на корабле вообще кажется, что они «борются с нашествием больших вооружённых муравьёв» («they were contending with an invasion of large armed ant» [8, с. 240]). Вторая мировая война в сознании главного героя Уилли Кейта – это поток новостей, который оставляет смешанное впечатление, что «наши» немного впереди «в этой игре» [8, с. 223]. Аукториальный повествователь отмечает, что «только через года, читая книги, описывающие военные события в которых он (Уилли) принимал участие, наконец, он начнет думать о своих битвах как о Битвах. Только тогда, когда запал юности уйдёт, он начнет согреть себя теплотой воспоминаний о том, что он, Уилли Кейт, тоже сражался в день св. Криспина» («Only in after years, reading books describing the scenes in which he had been engaged, would he begin to think of his battles as Battles. Only then, when the heat of youth was gone, would he come to warm himself with the fanned-up glow of the memory that he, too, Willie Keith, had fought on Saint Crispin's Day» [8, с. 223]).

В 1964 г. Г. Уоук поселяется в Вашингтоне, чтобы работать над новым произведением о Второй мировой войне. Писатель работает в библиотеке Конгресса и национальном архиве США, консультируется у выживших высокопоставленных командиров, для исследований посещает Великобританию, Чехословакию, Германию, СССР, Францию, Иран, Польшу, Израиль [7]. Для достоверного описания процесса создания атомной бомбы писатель часами беседует с Ричардом Фейнманом, Лауреатом Нобелевской премии по физике. В послесловии к русскому изданию книги «Это Б-о-г мой» Г. Уоук вспоминает, что во время посещения СССР в 1966 г. для работы над «Ветрами войны» два дня провел в городе Минске, родном для его родителей, и даже помолился в единственной на то время оставшейся там синагоге [13]. После семи лет работы Г. Уоук отдаст жене черновик в более чем 1000 страниц и услышит, что текст на черновике – это только начало истории; и писателю потребуется еще семь лет, чтобы написать вторую книгу дилогии «Война и память» [14].

Обе книги дилогии (сам Г. Уоук их называет «War books» («Книги о Войне»)) стали бестселлерами. 18-часовая драма по роману «Ветры войны» стала на то время самым просматриваемым телешоу в истории по данным американской вещательной компании [7]. 34-часовая драма по книге «Война и память» получила телевизионную премию «Эмми» [7]. Дилогия расходилась огромными тиражами в Китае в 1980-х, что сделало его на то время самым читаемым американским автором в КНР [2, с.77].

Роман-эпопея в двух книгах изображает судьбу еврейского народа и жизнь американцев во время Второй войны. В дилогии изображаются батальные сцены Тихоокеанского театра действий и Европейского театра действий, будни простых американцев, немецких и польских евреев до и во время войны, подробно описывается существование евреев в концентрационных лагерях (Терезиенштадт и Освенцим).

Повествование сосредоточено на судьбах американской семьи военных Генри и еврейской семьи Джастроу. «Ветры войны» охватывают события от марта 1939 г. до нападения на Перл-Харбор в декабре 1941 г., «Война и память» – с января 1942 г. до окончания Второй мировой.

Главный герой Виктор Генри становится советчиком Франклина Рузвельта, соответственно, его постоянно отправляют со служебными заданиями в различные страны (в Германию, Великобританию, СССР, Иран). Во время службы происходит знакомство Виктора с дочкой известного военного журналиста Алистера Тедсбери (*Alistair Tudsbury*), Памелой (*Pamela Tudsbury*). Генри и Памела пересекаются во время бомбардировки Лондона, их свозят «на экскурсию» на передовую Красной армии. После измены и ухода из семьи жены Виктор Генри решается обзавестись новой семьей с журналисткой Памелой. Сын Виктора, Байрон, влюбляется в американскую еврейку Натали Джастроу, племянницу известного ученого, историка Аарона Джастроу. Байрон сопровождает своенравную Натали в ее опасной поездке в Восточную Польшу, где их и застает война. Несмотря на отсутствие восторга по поводу его выбора со стороны семьи, Байрон женится на Натали. Семьи Генри и Джастроу рождаются.

Таким образом, среда в дилогии представлена очень широко. Главные герои соприкасаются с множеством персонажей, которые являются носителями абсолютно разных мировоззренческих установок. Г. Уоук создает десятки и десятки образов людей различных национальностей, различного образования и социального положения, которые высказывают непосредственно перед Второй мировой и во время ее свое понимание происходящего и делают прогнозы на будущее.

В галерею персонажей входят О. Абец, Г. Геринг, А. Гитлер, В. М. Молотов, С. Моэм, Б. Муссолини, Р. Опенгеймер, И. Риббентроп, Ф. Д. Рузвельт, И. Сталин, У. Черчилль, а также созданный с огромным уважением образ адмирала Р. Э. Спрюэнса и др. Образы исторических фигур выписаны детально и многомерно: за каждым образом стоит огромная работа автора-исследователя.

Д. Фрум обращает внимание на тщательно выписанный автором в книге «Война и память» образ нацистского военного преступника Адольфа Эйхмана, замечая, что недавно обнародованные историче-

ские документы показывают, что Г. Уоук смог глубже проникнуть в психологию данного сотрудника гестапо, чем Ханна Арендт [15]. Д. Фрум ссылается на вышедшую в 2011 г. монографию немецкого историка и философа Беттины Стэнгнет «Эйхман перед Иерусалимом», где исследовательница обнародовала и проанализировала весь архив ээсовца, включая послевоенные аудиозаписи дискуссий с его нацистскими поплечниками в Аргентине [16]. Работа Б. Стэнгнет убедительно доказала, что Эйхман был не просто службист и бюрократ, как это показано Х. Арендт, а убежденный антисемит, убийца и мародер. Именно мародером и убийцей показан он и в книге «Война и память».

На мероприятии Библиотеки Конгресса США, посвященном празднованию восьмидесятилетия Г. Уоука, Мартин Гилберт, биограф У. Черчилля, подчеркнул, что гений писателя проявляется в эмпатии к людям, а также в умении понять, какие мотивы движут людьми [17]. М. Гилберт обратил особое внимание на слова У. Черчилля из книги «Война и память», которые Г. Уоук придумал сам, но, как оказалось, У. Черчилль действительно высказывал подобные мысли, только писатель не мог об этом знать, так как они не попали в документы и видеохроники [17].

В диалогии писатель пытается осмыслить поведение людей в страшный и переломный момент войны. Изображенные солдаты стран-агрессоров далеко не одномерны. Г. Уоук инкорпорирует в диалогию дневник вымышленного генерала Вермахта Армина фон Руна (*Armin von Roon*) для того, чтобы дать возможность одному из лидеров нацистской армии изложить свое подробное видение и оценку боевых действий и политических процессов. Главным героем Виктор Генри пересекается с Руном в довоенном Берлине, позже он заинтересуется дневником генерала и переведет его на английский. Виктор объясняет в предисловии к своему переводу, что *этот автор, по моему мнению, изображает немецкий народ во время правления Гитлера таким, каким он был: в высшей степени упорной и сильной боевой нацией, и совсем не шайкой недалеких садистов или комичных растяп, как их карикатурно показывает сегодня поп-культура (This author, to my mind, portrays the Germans under Hitler as they were: a remarkably tough and effective fighting nation, not a horde of stupid sadists or comic bunglers, as popular entertainment now tends to caricature them [18, с. 120].)*

Смотря на немцев в Варшаве, Байрон замечает, это же обычные люди, чьи молодые лица, лица в очках приобретали устрашающий вид только под каской, и «сложно было поверить, что это были негодяи, выливающие смесь стали и огня на Варшаву» («*It was hard to believe that these were the villains who had been pouring flying steel and fire on Warsaw*» [18, с.231]). Писатель обращает внимание на то, что способными на зло могут быть вполне обычные, даже порядочные, люди, которых тоталитарная система через страх склонила сначала к конформизму, а затем и к безнравственным поступкам. Г. Уоук подчеркивает, что айнзацгруппы (или военизированные эскадроны смерти) составлялись из лиц гражданского населения, которые были непригодны к непосредственному участию в активных боевых действиях, и «среди этих немцев не было душевнобольных или преступников» («*There were no lunatics or criminals among them [the Germans in the ranks of the Special Action Units]*» [18, с. 725]). Напротив, продолжает писатель, они были «хорошими немцами, вроде тех, кто не ездил на красный свет светофора, кто любил оперу и концерты, кто читал книги, кто носил пиджаки с галстуками, у кого были жены и дети, кто по большей части ходил в церковь и пел церковные гимны, кто ухаживал за садом» («*Officers and men alike were good Germans, the sort of men who did not drive past red traffic lights, who liked opera and concerts, who read books, who wore ties and jackets, who had wives and children, who for the most part went to church and sang hymns, and who worked in little weekend gardens*» [18, с. 725]). Г. Уоук показывает, что эти немцы были послушными гражданами, которым было приказано убивать.

Г. Уоук пытается осмыслить, как так получилось, что немецкий народ превратился в общность тех, кого Т. Адорно называет «авторитарными личностями». Нацистская Германия сформировалась из тех, кто искренне верил в идеологию нацизма, из тех, у кого работали механизмы психологической защиты, позволяющие мириться с этой идеологией (немецкий военный Гробке с его «*это не так важно, Виктор, в сравнении с достижениями Фюрера*» [18, с. 48]; еврей Розенталь, бизнесмен в Берлине, с его «*Гитлер сделал много замечательного для страны*» и «*за жизнь человеку приходится всякое пережить*» [18, с. 59]), и из тех, кто эту идеологию не принял (священник отец Мартин). Власть при помощи пропаганды всячески поддерживала механизмы защиты и помогала отрицать очевидное: немецкий врач считает, что «*английские преступники, виновные в сбрасывании бомб на женщин и маленьких детей, скоро получат по заслугам*» («*The British criminals responsible for dropping bombs on women and little children would soon have to face the bar of justice*» [18, с. 537]); генерал Ягоу ревностно доказывает Виктору Генри, что «*именно немцы мешали полякам убивать евреев*» («*it was we Germans who stopped the Poles from murdering the Jews*» [18, с. 558]).

Американский дипломат Лесли Слоут (*Leslie Slote*) считает, что корни нацизма следует искать в немецкой мысли 19 в., а именно: в романтизме, идеализме, национализме («*To me Nazism is unthinkable without its roots in German nineteenth-century thought: romanticism, idealism, nationalism...*» [18, с. 257]). Натали Джастроу называет Рихарда Вагнера единственным немецким мыслителем, чье влияние на Гит-

лера можно непосредственно проследить [18, с. 609]. У священника Мартина, который помогал евреям в Германии, своя версия: «Гитлер – злой гений моего народа. Он кара, ниспосланная Господом» («*He [hitler] is the evil genius of my people. He is a scourge sent by God*» [19, с. 131]). Мартин утверждает, что немцы – это неопытная нация в сфере политики; немцы знают только то, как следовать указам сверху. Священник добавляет, что «по существу, мы сегодня зажаты между либеральным эпикуреизмом западных демократий и радикальным атеизмом восточных большевиков» («*Basically, today, we are still caught between the liberal epicureanism of the western democracies, and the radical atheism of the eastern bolsheviks*» [19, с. 131]). В бездуховной пропасти и пустоте между западом и востоком и зародился нацизм.

Метафорически объясняя сущность экстремизма, немецкий врач Р. называет его туберкулезом современности: «у более стабильных наций туберкулезные гранулемы надежно закрыты рубцовой тканью и являются не более чем идеями сумасшедших» («*In the stabler nations the tubercles are sealed off in scar tissue, and these are the harmless lunatic movements*» [19, с. 610]). Он уточняет, что во времена социальных потрясений и войн бактерии могут вырваться и инфицировать нацию.

Чувство собственного достоинства, стойкость и выносливость японских солдат вызывает уважение у Виктора Генри [19, с. 998], но, размышляя об обществе в Японии, он приходит к выводу, что оно не отличается от тоталитарных обществ Германии и СССР тем, что провозглашает своей миссией завоевание всего мира и привнесение своего порядка на завоеванные территории [19, с. 947].

Книги диалогии наводят на мысль, что инструменты принуждения личности к конформизму в тоталитарных обществах не сравнятся с почти полной деформацией личности вплоть до обесчеловечивания в концлагерях. Г. Уоук искренне верит, что Бог послал его на землю, чтобы он рассказал о Холокосте [14]: особое внимание в диалогии писатель уделяет осмыслению положения евреев в Европе периода Второй мировой войны. Он показывает реакцию берлинских евреев на лишение их гражданских прав, изображает мытарства евреев, которые желают эмигрировать. Исследует политическую, юридическую и техническую часть решения еврейского вопроса. Судьба семьи Джастроу находится в особом фокусе диалогии, и через события, происходящие с членами семьи, американскими и польскими евреями, Г. Уоук описывает ужас транспортировки в лагерь смерти, шок по прибытию, невыносимые условия быта и изнурительный труд. Польский еврей Берел Джастроу называет переключку ужаснейшей пыткой, которая проходила ежедневно: «Они стояли неподвижно рядами утром и вечером по несколько часов в любую погоду. Самый тяжелый труд предпочтительнее. По меньшей мере, человек разогревается, когда работает, и отвлекается от горестных мыслей. Во время переключки очень мучает чувство голода, кишечник и мочевого пузыря агонизируют, холод въедается в кости, и время останавливается... К концу переключки в мучительное зимнее утро мертвые тела застилают землю» («*They stand motionless in ranks morning and evening for a couple of hours in all weathers. The hardest work is preferable. At least you warm yourself when you are in a swing, and distract your mind. At roll call hunger gnaws, bowels and bladder agonize, cold eats into bones, and time stops... By the time roll call ends on a bitter winter morning, bodies litter the ground*» [19, с. 468]).

Писатель изображает у некоторых узников желание выжить любой ценой, готовность некоторых умереть и даже желание смерти. Г. Уоук описывает притупление чувств и даже равнодушие к происходящему у попавших в концлагерь; описывает искреннее обращение к религии и обретение еврейской идентичности. Унижения, голод, холод, казни провинившихся, постоянное ожидание смерти приводило к тому, что узники частично теряли рассудок. Например, когда автор описывает процесс вскрытия массовых захоронений евреев и поиски ценностей в разлагающихся и кишасих червями трупах, он называет узников «безумными автоматами». Г. Уоук пишет: «Многие из этих евреев сейчас довольно-таки безобидные сумасшедшие. Они работают, потому что их накормят, и если они откажутся работать, то они будут избиты и их лишат пищи» («*Many of these Jews are now quite harmless madmen. They work because they will be fed if they do, and starved and beaten if they don't*» [19, с. 650]). Писатель задается вопросом, может ли человек, который никогда не был в гетто и в концентрационном лагере, судить членов юденрата или зондеркоманды? [19, с. 797].

Как и Г. Джеймс, техникой психологизма которого восхищается Г. Уоук [20], автор диалогии проникает в сознание своих героев, раскрывая тончайшие оттенки их чувств. Читатель проходит с героями через моральные унижения в Терезиенштадте, через транспортировку в восточную Европу, через селекцию, через ожидание в очереди для «дезинфекции». Вместе с Аароном Джастроу читатель пробегает глазами по табличке с надписью: «Разденьтесь здесь для принятия дезинфекционной ванны. Аккуратно сложите одежду. Запомните, где вы оставили свою одежду», вместе с героем он проходит в длинное и узкое помещение, слышит крики «Господи, сжался!», «Газ!», «Он нас сейчас убьют!» после того, как гаснет свет.

В диалогии присутствует еще одно детальное натуралистичное описание смерти «изнутри» – читатель находится вместе с сыном главного героя, Уорреном Генри, во время сражения за Мидуэй. Уоррен,

кстати, был создан Г. Уоуком, когда значительная часть книги «Ветры войны» уже была написана, автор ввел этот персонаж в произведение специально для гибели в этой битве [21, с. 76]. Уоррен понимает, что его самолет загорелся и у него нет шансов выжить. При этом он с удивлением обнаруживает, что никогда не думал, что погибнет, ведь «его будущее расстилось перед ним на много-много лет – такое распланированное, такое настоящее, такое важное!» («His future stretched before him for so many years – so well-planned, so real, so important!») [19, с. 343]). Уоррен констатирует, что в кабине становится все жарче и жарче, он невольно расслабляется, пытается осознать, что он сделал все от него зависящее, и что пора умирать. Огонь ослепляет летчика, он чувствует острую боль, и все заканчивается.

Примечательна полнота изображения атмосферы, в которой приходилось жить людям во время войны. Например, Варшава осени 1939 г. предстает перед читателем в следующих образах: смеющиеся дети, для которых война – это забавное приключение, и они играют в руинах и радуются, что не надо идти в школу [18, с. 211]; трупы на телеге у больницы «с открытыми ртами и застывшим взглядом, похожие на неживую рыбу на рынке» [18, с. 213]; нестерпимая вонь от вздувшихся тел лошадей, покрытых слоем жирных черных мух [18, с. 214]; откуда-то доносящиеся звуки скрипки [18, с. 215]; двухлетняя девочка, которая плачет около убитой матери, и приговаривает «Моя мамочка такая некрасивая» [18, с. 158].

Описание трогательных июньских цветов, которые внезапно выглянули из глухих закоулков между бараками Освенцима и появились даже на вытопанных в грязь площадках [19, с. 262], тоже подчеркивают трагизм и неестественность происходящего. Жуткий контраст присутствует и в образе немецкого военачальника, который следит за процедурой отравления советских военнопленных газом Циклон Б. Г. Уоук описывает, как этот человек, в котором уживается одновременно палач и семьянин, засекает время на наручных часах, как он наблюдает за убийством в специальный глазок, как мысли о семье, которая его ждет на рождественский ужин, перебиваются мыслями о том, как лучше ликвидировать трупы [19, с. 110–111].

Дэвид Фрум, редактор журнала «The Atlantic», одного из старейших литературных журналов США, подчеркивает, что Г. Уоук не просто хочет, чтобы мы почувствовали ужас и грязь войны, но и чтобы мы были благодарны военным за их службу, так как для писателя война – это не поток иррациональной жестокости, а жестокость, которая имеет свои причинно-следственные связи и которая может быть иногда оправдана в отношении агрессора [15].

Для писателя война – это испытание нравственности. Г. Уоук полностью солидарен со своим наставником И. Эдманом в том, что «история тоталитарных режимов XX в. и Вторая мировая война показали, что мир и уважение прав и свобод человека – это забота и ответственность каждого» [22, с. 71]. Главные герои дилогии (Виктор Генри, его сыновья Байрон и Уоррен, Натали Джастроу и Памела Тэдсбери) остро реагируют на несправедливость. Они наделены состраданием, смелостью и готовностью к самопожертвованию. Так, Г. Уоук полагает, что человек несет ответственность за общественное зло, а равнодушие, страх и молчаливое невмешательство может привести к катастрофе. При этом он указывает, что общество также несет ответственность за человека (например, описание позиции руководства Германии, Италии, Дании в отношении еврейского вопроса).

Именно произведения «Бунтующий человек» и «Миф о Сизифе» дают возможность проникнуться духом нашего времени [23, с. 31], считает Г. Уоук. Писатель вполне бы мог повторить вслед за А. Камю: «Тогда приходишь к решению вообще не действовать, а это означает, что ты мирись с убийством, которое совершено другим. Тебе же остается разве что сокрушаться о несовершенстве человеческой природы» [24, с. 122].

Писатель с горечью отмечает, что большинством американцев Вторая мировая война не была воспринята серьезно и болезненно даже после нападения японцев. Сказался тот факт, что американские солдаты вели боевые действия вдали от родных земель, а к цифрам, сообщающим число погибших, человек быстро привыкал. Г. Уоук изображает настроения американцев: например, на мероприятии, призывающем открыть второй фронт, зрители иногда освистывали выступающих, и даже во время речи, посвященной подвигу солдат в битве за Мидуэй, аудитория откровенно зевала [19, с. 357]. Происходящее за океаном было ужасающим, но все равно это была далекая чужая боль. Писатель отмечает, что американцы видят в Гитлере напыщенного олуха, а в нацистах – всего лишь дурачков-последователей; и это виденье ярко проявляется в популярной тогда песенке: *Ven Der Fuehrer says, / "Ve iss der Master Race," / Ve Heil (phfft!) / Heil (phfft!) / Right in Der Fuehrer's face...* [19, с. 503].

Г. Уоук не одобряет циничную и эгоистичную позицию английского пилота Билла Фентона (*Bill Fenton*), который рассматривая журнал с обнаженными женщинами, рассуждал о том, что «этот мир просто бойня, парень, и он всегда был таковым, и это то, о чем постоянно забывают гребанные пацифисты» («This world is a slaughterhouse, man, it always has been, and that's what all these fucking pacifists keep forgetting») [19, с. 504]). На вопрос Л. Слоута о том, верит ли Фентон в то, что происходит геноцид евреев, тот спокойно отвечает, что конечно верит. Далее он замечает, что с 1937 г., как на Китай напали

японцы, от голода умерли тысячи китайцев, а еще что немцы убили огромное количество русских, и что режим Гитлера не намного хуже режима Сталина. Фентон добавляет, что, по его мнению, большинство сражается не за евреев и не за русских, а чтобы «спасти собственные задницы».

Автор дилогии пытается донести, что война – это этический кризис вообще, и что преступления совершались не только Гитлером и его союзниками. Он упоминает в произведении Кёльн, Дрезден, Хиросиму, Нагасаки, Катюнь. Г. Уоук описывает неоправданную жестокость и насилие американских военных в отношении японцев в конце войны. Словами главного героя Виктора писатель заключает, что «американцы, как и немцы, виноваты в изобретении новых видов варварства» («*both we were equally guilty of the new barbarism*») [19, с. 833]. Под новыми видами варварства Г. Уоук понимает изобретение газовых камер и атомной бомбы. Так, в дилогии ставится вопрос об ответственности ученого перед обществом.

Однако писателя нельзя обвинить в изображении безгрешности США. Интересно заметить, что во время перевода строчки из дневника Руна о том, что атака на Перл-Харбор разбудила у гордых янки иррациональную ковбойскую жажду мести, Виктор Генри оставляет заметку: «*опыт Вьетнама заставляет меня задуматься, не был ли Рун абсолютно прав в своих выводах*» («*the Viet nam experience is making me wonder whether Roon is not absolutely right about this*») [19, с. 407]. Но в общем и целом, Г. Уоук считает, что США – это величайшее свободное общество [19, с. 1] и надежда всего мира [18, с. 1046].

Американский историк Э. Шапиро пишет о репутации Г. Уоука как «врага интеллигенции и оратора от конформистов» («*an enemy of the intelligentsia and a spokesman for conformity*») [4]. Эта репутация была прочно закреплена за писателем сразу после выхода в свет романа «Бунт на «Кайне»». На критику можно ответить словами самого Г. Уоука из книги «Это Б-о-г мой»: в главе «Конформизм» Г. Уоук замечает, что все нонконформисты похожи в своем нонконформизме, и «единственные настоящие нонконформисты – это обитатели сумасшедших домов» [23, с. 48].

Чтобы понять идейно-эстетическую позицию автора, следует напомнить, что Г. Уоук ведет традиционный еврейский образ жизни, каждый день начинает с чтения Священного писания. Он – приверженец общепризнанных моральных норм; он уважает традиции и руководствуется бескомпромиссной моралью, не допуская безучастности и релятивистского отношения к злу. Моральный долг для Г. Уоука предполагает подчинение личных интересов общественным: одна из истин, определяющих нравственное бытие человека, сформулированных Моисеем, – это положение о том, что человек не существует сам по себе, а является частицей народа [25, с. 93]. Идейная позиция автора находит выражение в его произведениях. Кстати, консерватизм Г. Уоука проявляется не только в содержании, но и в форме его произведений (эстетические эксперименты модернизма им были отвергнуты). Более того, Г. Уоук искренне полагает, что любой роман сегодня должен иметь цель, и развлекательностью эта цель не должна исчерпываться. В последней главе своего первого романа «*Auroga Dawn*» (1947 г.) автор-персонаж позволяет себе оставить в тексте свои размышления на эту тему, заключая, что цель романа – это коррекция нарушений в обществе [26, с. 226]. Ожидаемы возражения: автор-персонаж не всегда совпадает с реальным автором. Но сам Г. Уоук говорил о влиянии И. Эдмана на формирование у него взглядов на искусство, а профессор И. Эдман научил прозаика высоко ценить искусство, при этом искусство, по мнению профессора, должно представлять собой единство этического и эстетического и служить возвышенным целям, не просто быть красивым [3, с. 10]. И именно морализаторство наряду с консерватизмом – слабые стороны, за которые Уоука не любят критики [27].

Тем не менее критики однозначно сходятся в том, что Книги о Войне – хорошая популярная книга о Второй мировой [20]. Дилогию Г. Уоука высоко оценил американский государственный деятель и эксперт в сфере международных отношений Генри Киссинджер [15]. Американский историк литературы П. Фассил (*Paul Fussell*), указывая на промахи художественного плана, пишет, что Уоуку удалось чрезвычайно тонко передать атмосферу военного времени, и что Уоук несомненно обладает обширными познаниями в современной истории [28, с. 33]. А. М. Зверев, критикуя Г. Уоука за то, что писатель уделил недостаточно внимания Сталинградской битве, замечает, что «портрет Сталина достаточно объективен», «картины ленинградской блокады и особенно сцены разгрома немцев на Волге проникнуты глубоким уважением к подвигу советских людей» [9, с. 532]. Стоит привести наблюдение А. Бейхмана, который подчеркивает, что все романы о Второй мировой войне Г. Уоука (и «Бунт на Кайне», и две книги дилогии) стали бестселлерами, несмотря на то, что там не было ни описаний сексуальных извращений, ни даже эротики [2, с. 90]. Для Г. Уоука, как для верующего человека, жизнь – дар Бога, и в его дилогии звучит вечный мотив борьбы добра со злом. Виктор, размышляя о том, почему в столь прекрасном мире приходится воевать и рисковать своей жизнью, отвечает сам себе: «*Потому что по соседству с Авелем жил Каин*» («*Because Abel's next-door neighbor was Cain*») [18, с. 1046]. Вечность этой борьбы звучит и во втором эпиграфе к «Войне и памяти»: «*Напиши мне для памяти в книгу... что брань у Господа против Амалика из рода в род*» (Исход 17). В дилогии Бог эмоционально и ассоциативно представлен через мо-

гущество океана и через влечение безграничного звездного неба в тихую ночь. Примечательно, что и отец Уилли Кейта в «Бунте на Кайне», и отец Уоррена и Байрона в дилогии дарят сыновьям Библии.

Книги дилогии писатель считает главным достижением своей жизни [29]. Свои Книги о Войне Г. Уоук писал, потому что верил, что войны, как и жертвоприношения, – это варварство, которое должно уйти в небытие времен. Писатель напоминает, что для тех, кто остался жить, наступит рассвет как отделение света от тьмы, «но не для мертвых, не для более чем пятидесяти миллионов убитых в наихудшей мировой катастрофе: победителей и побежденных, солдат и мирных граждан, представителей разных наций, мужчин, женщин и детей, всех погибших. Для них не может быть нового земного рассвета. И все же, несмотря на то, что их кости лежат во мраке могил, они не умрут напрасно, если память о них сможет вывести нас из долгого-долгого периода войн к миру» («Not for the dead, not for the more than fifty million real dead in the world's worst catastrophe: victors and vanquished, combatants and civilians, people of so many nations, men, women, and children, all cut down. For them there can be no new earthly dawn. Yet through their bones lie in the darkness of the grave, they will not have died in vain, if their remembrance can lead us from the long, long time of war to the time for peace» [19, с. 1039]).

Вывод. В романе «Бунт на «Кайне»», который сам автор считает «незрелой» книгой, рассматривается проблема ответственности. Писатель в романе пытается постигнуть подлинность выбора и формирование у человека способности стать судьей своих поступков.

Книги о Войне («Ветры войны» и «Война и память») представляют Вторую мировую войну как исторически детерминированный сложный феномен. Г. Уоук показывает социально-исторический, политический, психологический, идеологический аспекты войны. Писатель пытается разобраться в причинах возникновения нацизма в Германии, осмысляет процесс подавления личности в тоталитарных обществах и процесс полной деформации личности узников в концентрационных лагерях. Г. Уоук доказывает, что человек должен всегда руководствоваться принципами справедливости и неприятия зла, а равнодушие и страх могут привести к формированию тоталитарного общества. Война в дилогии является испытанием на нравственность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jacoby, J. Arguable: Wouk and remembrance [Electronic resource] / Jeff Jacoby // The Boston Globe. – 2017. – May 08. – Mode of access: <https://www.bostonglobe.com/opinion/2017/05/08/arguable-wouk-and-remembrance/6ZWcDE2qsq9GbhciyF9vEM/story.html>. – Date of access: 02.06.2017.
2. Beichman, A. Herman Wouk, the novelist as social historian / Arnold Beichman. – New Brunswick (U.S.A.) : Transaction Books, 1984. – 100 p.
3. Mazzeno, L.W. Herman Wouk / Laurence W. Mazzeno. – New York : Twayne Publishers, 1994. – 132 p.
4. Shapiro, E. The Jew as patriot: Herman Wouk and American Jewish identity [Electronic resource] / Edward Shapiro // American Jewish History, suppl. Special Issue: Defining Jewish Identity in American. – Part. 84.4 (December 1996). – P. 333–351. – Mode of access: http://search.proquest.com.vlib.interchange.at/docview/228294035?rfr_id=info%3Axri%2Fsid%3Aprimo. – Date of access: 14.03.2016.
5. Ardolino, F. Herman Wouk's "The Caine Mutiny" (Critical essay) / Frank Ardolino // The Explicator, Fall. – 2008. – Vol. 67(1). – P. 39–43.
6. Waldmeir, J. J. American novels of the second world war / J. J. Waldmeir. – The Hague : MOUTON, 1969. – 180 p.
7. Wouk, Herman. A biographical sketch [Electronic resource] // Herman Wouk. – December. – 2016. – Mode of access: www.hermanwouk.com/biography.html. – Date of access: 15.04.2017.
8. Wouk, H. Caine Mutiny. A Novel of World War II / Herman Wouk. – Garden City, N. Y. : Doubleday & Company, 1967. – 498 p.
9. Зверев, А. М. Движение времени – движение темы (Американский роман о войне) / А. М. Зверев // Вторая мировая война в литературе зарубежных стран / под ред. П. М. Топера. – М. : Наука, 1985. – С. 509–548.
10. Schlesinger, A. M. Time and the Intellectuals // The Politics of Hope and The Bitter Heritage / Arthur Meier Schlesinger. – Princeton : Princeton University press, 2008. – P. 284–292.
11. Kirsch, A. Herman Wouk's last shot [Electronic resource] / Adam Kirsch // Tablet. – 2012. – November 20. – Mode of access: <http://www.tabletmag.com/jewish-arts-and-culture/books/117174/herman-wouk-last-shot>. – Date of access: 16.04.2017.
12. Library of Congress Honors Herman Wouk with Literary Award: webcast [Electronic resource] // Library of Congress Information Bulletin. – 2008. – Vol. 67, № 9. – Mode of access: https://www.loc.gov/today/cyberlc/feature_wdesc.php?rec=4373. – Date of access: 16.05.2017.
13. Вук, Г. Это Б-о-г мой [Электронный ресурс] / Г. Вук. – 4-е изд. – Иерусалим : Шамир, 1990. – Режим доступа: http://www.evrey.com/texts/wouk.htm#_Точ436657383. – Дата доступа: 20.05.2017.
14. Neary, L. Herman Wouk Says He's A 'Happy Gent' At 100 [Electronic resource] / Lynn Neary // NPR. – January 14, 2016. – Mode of access: <http://www.npr.org/2016/01/14/462923148/herman-wouk-says-hes-a-happy-gent-at-100>. – Date of access: 18.04.2017.
15. Frum, D. The Great War Novelist America Forgot [Electronic resource] / David Frum // The Atlantic. – 2015. – May 17. – Mode of access: <https://www.theatlantic.com/entertainment/archive/2015/05/herman-wouk-at-100-one-of-the-greatest-american-war-novelists/393203/>. – Date of access: 20.04.2017.

16. Frum, D. The Lies of Adolf Eichmann [Electronic resource] / David Frum // The Atlantic. – 2014. – October 08. – Mode of access: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2014/10/the-lies-adolf-eichmann-told/381222/>. – Date of access: 20.04.2017.
17. Ringle, K. Fiction's truest voice [Electronic resource] / Ken Ringle // The Washington Post. – 1995. – May 16. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/archive/lifestyle/1995/05/16/fictions-truest-voice/f39cd3bb-f5cf-45c9-8273-a815b8be4e5b/?utm_term=.829dcfacf00f. – Date of access: 20.05.2017.
18. The Winds of War / H. Wouk. – New York : POCKET BOOK, 1971. – 1047 p.
19. Wouk, H. War and Remembrance / H. Wouk. – New York : Little, Brown and Company, 2002. – 1042 p.
20. Kachka, B. A Rare Conversation With Pulitzer Prize-Winning Writer Herman Wouk [Electronic resource] / Boris Kachka // Vulture. – 2016. – January 12. – Mode of access: <http://www.vulture.com/2016/01/rare-talk-with-pulitzer-winner-herman-wouk.html>. – Date of access: 07.06.2017.
21. Wouk, H. Sailor and Fiddler: Reflections of a 100-Year-Old Author / Herman Wouk. – New York : Simon & Schuster, 2016. – 160 p.
22. Edman, I. Candle in the dark: a postscript to despair / Irvin Edman. – New York : The Viking Press, 1939. – 88 p.
23. Wouk, H. This is My God: A Guidebook to Judaism / Herman Wouk. – Chicago : Christian Large Print, 1991. – 395 p.
24. Камю, А. Бунтующий человек : пер. с фр. / А. Камю // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М. : Издательство политической литературы, 1990. – С.119–356.
25. Гусейнов, А.А. Великие моралисты / А.А. Гусейнов. – Изд. 2-е, доп. – М. : Республика, 2008. – 495 с.
26. Wouk, H. Aurora Dawn / H. Wouk. – New York: Little, Brown and Company, 1975. – 284 p.
27. Godat, C. Herman Wouk: Overview [Electronic resource] / Chris Godat // Contemporary Popular Writers. – Detroit : St. James Press, 1997. – Mode of access: <http://0-go.galegroup.com/library/uark.edu/ps/i.do?p=LitRC&sw=w&u=faye28748&v=2.1&markList=true&it=r&id=GALE%7CK1632000284&authCount=1> – Date of access: 07.11.2016.
28. Fussel, P. Review of War and Remembrance / Paul Fussell // The New Republic. – 1978. – October 14. – P. 32–33.
29. Proust Questionnaire: Herman Wouk [Electronic resource] // Vanity Fair. – 2012. – October. – Mode of access: <http://www.vanityfair.com/culture/2012/10/herman-wouk-proust-questionnaire>. – Date of access: 16.04.2017.

Поступила 10.06.2017

MAN AND SOCIETY AS PRESENTED IN THE NOVELS ABOUT WORLD WAR II BY HERMAN WOUK

V. HEMBITSKAYA

The article dwells on the problem of man and society as presented in the novels about World War II by Herman Wouk. The author of the article does the literary research of the problem of responsibility in the novel «The Caine Mutiny». On the material of «The Winds of War» and «War and Remembrance» author analyzes Wouk's aesthetic comprehension of Nazism birth and rise in Germany, of personality repression in totalitarian societies, of the process of full deformation of personality in concentration camps. The author of the article emphasizes that war in the books «The Winds of War» and «War and Remembrance» is shown as a morality test.

Keywords: Herman Wouk, «The Caine Mutiny», «The Winds of War», «War and Remembrance», American literature, World War II, responsibility, Nazism, the Holocaust.